
СЕРОВА О.Е.,

кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник
группы истории отечественной
психологии «Научный архив»
ФГНУ «Психологический институт»,
Москва, Россия

СВЕТ НЕПРЕХОДЯЩЕЙ ИСТИНЫ: О НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Г.И.ЧЕЛПАНОВА

**К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ ТОРЖЕСТВЕННОГО ОТКРЫТИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. Л.Г.ЩУКИНОЙ
(1914-2014)**

В статье предпринят научный анализ основных положений фундаментального научного труда Г.И.Челпанова «Проблема восприятия пространства», в котором ученым была сформулирована теоретико-методологическая база учения трансцендентального реализма и заложен потенциал полномасштабного развития психологии как научной дисциплины, охватывающей весь спектр исследовательских возможностей для изучения реалий метафизического единства личности.

Ключевые слова: *восприятие пространства, априорность, субъективное сознание, психический опыт, идеальный образ, идеал-реализм.*

У статті зроблений науковий аналіз основних положень фундаментального наукового праці Г.І.Челпанова «Проблема сприйняття простору», в якому вченим була сформульована теоретико - методологічна база вчення трансцендентального реалізму і закладений потенціал повномасштабного розвитку психології як наукової дисципліни, яка охоплює весь спектр дослідницьких можливостей для вивчення реалій метафізичного єдності особистості.

Ключові слова: *сприйняття простору, апіорність, суб'єктивне свідомість, психічний досвід, ідеальний образ, ідеал - реалізм.*

© Серова О.Е., 2014

Article undertaken scientific analysis of the main provisions of the fundamental scientific work G.I.Chelpanova "The problem of space perception," in which scientists formulated the theoretical and methodological basis of the doctrine of transcendental realism and laid out the full potential of the development of psychology as a scientific discipline, covering the whole range of research opportunities to explore realities of the metaphysical unity of the personality.

Key words: perception of space, a priori, subjective consciousness, psychic experience, the ideal image of the ideal - realism.

Начало третьего тысячелетия оказалось для Психологического института не только временем радостных юбилеев – 100-летие со дня создания (1912–2012) и 100-летие со дня Торжественного открытия (1914–2014) – но и периодом сложных испытаний. И потому, проводимые украинскими психологами такие крупные научные форумы как «Международные Челпановские психолого-педагогические чтения 2013» (Киев)¹ и «Международные философско-психологические Челпановские чтения 2012» (Мариуполь)², участником и соорганизатором которых являлся институт, по своей духовной и культурной значимости сегодня далеко превосходят уровень только лишь научных мероприятий. В условиях необходимости отстаивания права на жизнь великой Челпановской традиции – а названные условия в последнее время стали «рабочими» для всех сотрудников Психологического института – эти научные форумы являются источником созидательной энергии и оптимизма.

Психологический институт является старейшим и одним из самых за-

служенных институтов РАО³. Он начал свою работу в 1912 году, а в нынешнем 2014 году отмечает 100-летие со дня своего Торжественного открытия – события мирового значения. Психологический институт – первый в России и мире крупный специализированный центр психологической науки и образования. Эффективность его организации и потенциал для решения крупных научно-образовательных задач превосходили все европейские и американские институты. Светила мировой науки В.Вундт, К. Штумпф, О.Кюльпе, К. Марбе, В.Вирт, В.Штерн, Э. Стеффорд, Кеттел, Э. Титченер и другие считали за честь прислать в Москву поздравительные письма и телеграммы. Институт был открыт в здании, специально возведенном для его работы не на казенный счет, а на частные пожертвования благодаря усилиям двух выдающихся сынов нашего отечества – блистательного ученого и организатора науки Г.И.Челпанова и лучшего представителя русского купечества, известного московского мецената С.И.Щукина

Психологический институт начал свою деятельность как флагман мировой психологической науки, и этих по-

1 Міжнародні Челпанівські психолого-педагогічні читання // Гуманітарний вісник ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди» / ред. Маноха І. П. – К.: Гнозис, 2013. – Т.1-5.

2 Г.И.Челпанов и его роль в развитии психологического образования и науки славянских государств // Сборник докладов Международной научно-практической конференции. – Мариуполь: ДВНЗ «ПДТУ», 2012.

3 Об истории создания и современном состоянии исследовательской деятельности в Психологическом институте: Серова О.Е., Гусева Е.П., Козлов В.И. Психологический институт в Москве: российский центр психологической науки, культуры и образования. Документальная летопись к 100-летию со дня основания. – 2-е изд., испр. и доп. – М.; СПб.: Нестор-История, 2013. – 248., ил.

зиций не терял никогда. В тяжелейшие годы войн и разрухи, в труднейшее время восстановления народного хозяйства его сотрудники с честью выполняли свой профессиональный и гражданский долг, решая самые сложные и в научном, и в организационном отношении задания нашего государства, служа своему народу и отечеству.

Научные и прикладные разработки его сотрудников А. Лурия, А. Запорожца, Б. Теплова, А. Смирнова, С. Кравкова, Д. Эльконина, В. Давыдова, М. Лисиной, В. Небылицына, Э. Голубевой, Л. Божович, А. Миракяна, А. Петровского, Н. Менчинской, В. Рубцова, И. Дубровиной, Г. Граник и многих, многих других – это не только теория нашей науки: это тысячи спасенных жизней в военных госпиталях, это сотни восстановивших себя для жизни в послевоенном обществе людей, это спасенные от фашистских бомб под маскировочными покрытиями Москва, Ленинград и другие российские города, это хорошо подготовленные к выполнению заданий российские летчики и космонавты, это адаптированные в социальную среду дети с дефицитом развития, это молодые люди, успешно сорентированные в профессиональной деятельности, это настоящий и завтрашний день человечества.

Сегодня Психологический институт – активно отвечающий на запрос современности общероссийский центр научно-психологических и психолого-педагогических инноваций.

Инновационность как творческое начало исследовательской деятельности Психологического института заложена уникальной поисковой направленностью научных трудов его выдающегося создателя – Георгия Ивановича Челпанова (1862–1936).

Сложность изучения и адекватной оценки научного наследия Челпанова во многом и была связана с этой особенностью его научного почерка: ведь результаты его исследовательского новаторства до недавнего времени во многом не подпадали под узко ори-

ентированное представление о «научности», заимствованное советской психологией из естествознания. Но интегративное поле фундаментального научного труда Г.И.Челпанова, содержание которого составляет концепции восприятия и представления пространства, удивительно совпадает с новейшими тенденциями современной психологии. Его адекватный анализ и оценка стали возможны в актуальных условиях оформления эпистемологии нового «диалогического» типа: 1) с включением в контекст собственно научного рассмотрения социокультурных факторов в качестве базисных, 2) возрождением гуманитарного статуса научной психологии, 3) генерализацией профессионального интереса психологов в области нравственно-психологических проблем, 4) возвращением в психологию метафизических категорий, 5) осознанием междисциплинарности исследований как необходимого условия их эффективности, 6) направленностью на изучение целостных проявлений психики человека как субъекта бытия и др.[18, с. 329-330].

Фундаментальный труд «Проблема восприятия пространства» был создан Челпановым на рубеже XIX и XX веков, в начальный период становления научной психологии, когда (как пишет современный исследователь) господствовало мнение, что «не может быть дисциплин, претендующих на респектабельность, и при этом не являющихся естественнонаучными» [12, с. 36]. Нарастание во внутри научном плане методологического кризиса было снижено путем активного применения способа «формальной комбинаторики». И в психологии «постоянная связь между теориями происхождения представления пространства и априорности пространства произвела то, что стали смешивать понятия априорности в смысле теории познания с априорностью в смысле психологии. Гельмгольц, напр., и другие физиологи сближали понятие априорности у Канта с нативизмом современной психофизиологии,

признаючим вродженість пространства» [22, с. 55]. Подібна трактовка закріпилася в якості общеприйнятої і в скором часі стала сприйматися як «традиційна», незважаючи на існування ряду критических учень, обоснованно указувающих на *непсихологические* оснoвания кантовской теории пространства (Г. Коген, А. Риль, Ф. Паульсен, А. И. Введенский, В. П. Преображенский и др.).

Замысел научного пересмотра господствующей в обществе интерпретации кантовской теории пространства возник у Г.И.Челпанова в 1884 г. и получил свое оформление в докладе «Учение о пространстве у Канта и в современной психофизиологии», представленном на обсуждение студенческой аудитории Императорского Новороссийского университета [22, с. 62]. Так Челпановым был сделан первый самостоятельный шаг на научном поприще в направлении разработки темы будущей диссертации. Затем та же тема отчетливо прозвучала в его вступительной лекции 1892 г., прочитанной в Киеве на историко-филологическом факультете Университета св. Владимира [21], и в систематических циклах учебных лекций по психологии и этике для студентов Киевского и Московского университетов. Вместе с целым рядом вопросов, связанных с ее постановкой, проблема восприятия пространства обсуждалась в ходе методологических дискуссий на заседаниях Психологической семинарии и составила содержание научных публикаций Челпанова⁴. Следует отметить,

что интерес к ней ученый сохранял всю жизнь. Так, в Государственной академии художественных наук – его последнем официальном месте работы (1921–1930 гг.) – Георгий Иванович в течение шести лет возглавлял научную деятельность Комиссии по исследованию восприятия пространства и художественного творчества.

Научно-теоретическая работа «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. I. Представление пространства с точки зрения психологии»⁵, первая публикация которой состоялась в Киеве в 1896 г., была успешно защищена Челпановым в качестве диссертации на соискание степени магистра философии 25 октября 1896 г. на историко-филологическом факультете Московского Императорского университета (оппонировали на защите Н. Я. Грот и Л. М. Лопатин). Позиция Челпанова на ряд ключевых теоретико-познавательных положений, по мнению, высказанному, в частности,

туры о трансцендентальной эстетике Канта (1870–1900). Киев, 1900.; Об априорных элементах познания (понятие числа) // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 59. С. 529–559; Об априорных элементах познания (Понятие времени, причинности, пространства) // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 60. С. 699–747; Философия Канта: 1. Теоретическая философия. 2. Теоретическая философия. 3. Моральная философия. 4. Эстетика и учение о целесообразности // Мир Божий. 1901. № 3. С. 1–23; № 4. С. 165–187; № 5. С. 55–80; № 6. С. 84–106; Обзор литературы по теории познания (имманентная философия) // Университетские Известия. 1902. № 7. С. 43–81; Неогометрия и ее значение для теории познания // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 62. С. 934–953; Кн. 63. С. 1137–1157; Кн. 64. С. 1221–1247; Кн. 65. С. 1379–1408; Обзор литературы по теории познания (имманентная философия) // Труды Психологической Семинарии при Университете Св. Владимира: Философские исследования, обзоры и проч. Киев, 1904. Т. 1. Вып. 1. С. 1–39; другие работы.

5 Челпанов Г. И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. I. Представление пространства с точки зрения психологии. Киев: тип. т-ва И. Н. Кушнерева, 1896.

4 См., напр.: Глазомер и иллюзии зрения // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 17. С. 45–54; Кн. 18. С. 1–13; Очерки по психологии слепых // Мир Божий. 1894. № 1. С. 34–53; № 2. С. 105–121; О природе времени // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 19. С. 36–54; Обзор новейшей литературы по вопросу о восприятии пространства. 1895–1898. Киев, 1898.; О природе геометрических аксиом. Обзор новейшей литературы по теории познания. Киев, 1899.; Обзор новейшей литературы по теории познания (учение об априорности числа, пространства, времени и причинности). Киев, 1900.; Обзор ли-
тературы о трансцендентальной эстетике Канта (1870–1900). Киев, 1900.; Об априорных элементах познания (понятие числа) // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 59. С. 529–559; Об априорных элементах познания (Понятие времени, причинности, пространства) // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 60. С. 699–747; Философия Канта: 1. Теоретическая философия. 2. Теоретическая философия. 3. Моральная философия. 4. Эстетика и учение о целесообразности // Мир Божий. 1901. № 3. С. 1–23; № 4. С. 165–187; № 5. С. 55–80; № 6. С. 84–106; Обзор литературы по теории познания (имманентная философия) // Университетские Известия. 1902. № 7. С. 43–81; Неогометрия и ее значение для теории познания // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 62. С. 934–953; Кн. 63. С. 1137–1157; Кн. 64. С. 1221–1247; Кн. 65. С. 1379–1408; Обзор литературы по теории познания (имманентная философия) // Труды Психологической Семинарии при Университете Св. Владимира: Философские исследования, обзоры и проч. Киев, 1904. Т. 1. Вып. 1. С. 1–39; другие работы.

Н.Я.Гротом⁶ и В. Ф. Саводником⁷, требовала уточнения. И в максимально проработанном виде она нашла свое отражение в труде 1904 г. «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II. Представление пространства с точки зрения гносеологии»⁸, который был представлен автором в качестве диссертационного исследования на соискание степени доктора философии. 21 марта 1904 г. работа была защищена в Киевском Императорском Университете св. Владимира при официальном оппонировании Е. Н. Трубецкого и профессора А. Н. Гилярова.

Основной целью многолетнего научного исследования Челпанова было определение методологических условий, приводящих к правильной постановке и адекватному решению проблемы восприятия пространства, обладающей статусом одной из основополагающих философско-психологических проблем в истории человеческого познания. Для периода начала формирования научной психологии на рубеже XIX – XX веков и поиска ею теоретических оснований для разработки собственной методологической модели вышеуказанная научная цель носила стратегический характер.

В рамках основного вектора исследования особое значение приобретало требование четкой дифференциации его предметного содержания в зависимости от специфики той философской области, в контексте которой будет

поставлена основная проблема – гносеологической или психологической. Так, в контексте гносеологии на место предмета научного изучения заступал вопрос о природе пространства (объективной действительности понятия пространства), в аспекте психологии – вопрос о генезисе представления пространства.

Ракурс постановки Челпановым научной проблемы и определение задач диссертационного исследования основывались на отчетливом понимании многоуровневой системы внутренней взаимозависимости факторов его междисциплинарного контекста. «Выяснить существование априорных элементов в познании, – писал он, – мне казалось возможным только в том случае, если мы выясним все вопросы, которые теснейшим образом связаны с вопросом о врожденности, и психологический вопрос о генезисе представления пространства <...> чтобы затем подробно указать на взаимное отношение между гносеологической и психологической точками зрения» [18, 13]. Челпанов считал, что наличие самостоятельных дисциплинарно обусловленных научных целей и методов исследования «не мешает тому, чтобы задачи теории познания могли войти в состав психологии, понимаемой в самом широком смысле слова», и органичное их переплетение стало одной из отличительных характеристик его подхода.

Выбор Челпановым формы теоретико-методологического исследования стал результатом последовательной реализации принципов того понимания, которым руководствовался ученый в вопросе определения отношений между общей и экспериментальной психологией. Несмотря на важность экспериментального метода, – писал он – результаты его применения не могут служить надежным материалом для построения общепсихологических принципов, но множество психологическо-теоретических вопросов нуждается во всестороннем пересмотре с тем, «чтобы правильная постановка их давала

6 Грот Н. Я. (реп.). Г. И. Челпанов. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. I. Представление о пространстве с точки зрения психологии. Киев, 1896 // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 5 (35). Ноябрь–декабрь. С. 651–656.

7 Саводник В. Ф. Несколько замечаний по поводу книги г. Челпанова «Проблема восприятия пространства» // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 35. Ноябрь–декабрь. С. 641–650.

8 Челпанов Г. И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II. Представление пространства с точки зрения гносеологии. Киев: тип. т-ва И. Н. Кушнерева, 1904.

бы возможность поставить новые задачи, именно для экспериментов» [22, с. 61-62]. Тема, поднятая в диссертации, предполагала тот уровень философского обобщения, которому, по выводам Челпанова, не мог соответствовать никакой уровень экспериментальной проверки, достигнутый современной ему психологией.

В едином научно-информативном поле исследования специфика двухвекторного подхода к проблеме, определившего конкретные задачи для анализа многоуровневых содержательных рядов, нашла отражение в многокомпонентной структуре диссертационного труда. В первой части – «Представление пространства с точки зрения психологии» – Челпановым был осуществлен критический анализ обширной психологической эмпирики, представленной в трудах А. Бэна, В. Вундта, У. Гамильтона, И. Ф. Гербарта, Э. Геринга, У. Джемса, Э. Канта, О. Кюльпе, Т. Липпса, Р. Г. Лотце, Д. Милля, А. Рия, Г. Спенсера, Дж. Уорда, К. Штумпфа и др., направленный на стратификацию этого научного материала в целях решения конкретных задач исследования; рассмотрена функциональная специфика разномодальных перцептивных составляющих генезиса представления пространства; сформулированы положения авторской модели представления пространства (его производности / непроизводности и структурных особенностей). Во второй части исследования – «Представление пространства с точки зрения гносеологии» – в центр критического анализа было выдвинуто понятие априорности в его антиномии к понятию эмпиризма; проведено общетеоретическое и специфицированное в аспектах гносеологии и психологии рассмотрение проблемы априорности / врожденности; рассмотрены вопросы об априорных элементах познания (категориях мышления, понятиях числа, времени, причинности), о природе генезиса геометрических аксиом и объективности понятия пространства.

Челпанов указал на теорию Э. Канта как на конкретный источник философских посылок своего труда. Но психологическое мышление Челпанова вскрыло созидательный характер кантовских идей именно для психологии. Аутентичное прочтение теории чувственного познания Канта, позволило ученому спроецировать ее смыслы на уровень фундаментальных проблем психологической науки и определить одну из основных задач ее исследований – изучение генезиса пространственного восприятия. Кантовская теория во многом сыграла роль категориальной сетки для определения правильных соотношений в пространстве и времени психологического анализа выдвинутой проблемы.

Ее психологический аспект, по мнению Челпанова, был сформирован пересечением двух вопросов – о происхождении (производности или непроизводности) и процессуальности восприятия пространства. Теоретическая модель, предложенная Челпановым, выступила итогом проведенного им критического анализа всех существующих на время исследования научных теорий, рассматривающих эту проблему. Проведя классификацию всех учений и разделив по признаку специфичности базового положения их гипотезы на две группы – теории *непроизводности*, или теории нативизма (Гамильтон, Геринг, Штумпф, Джемс), и теории *производности*, т. е. эмпирические или генетические, Г.И.Челпанов далее систематизировал вторую группу теорий по *типу* объединения психических элементов, в котором автор теории усматривал основание механизма образования представления пространства: теории *ассоциации* (Бэн, Милль, Спенсер); *локальных знаков* (Лотце, Липпс); *синтеза* (Вундт); *слияния* (Гербарт, Фолькман) и *априорности* (Кант).

Используя весь объем информационного материала, привлеченного к рассмотрению, и доказательно приводя все «за» и «против» Челпанову удалось выявить когнитивный смысл

каждой теории, чтобы указать ее собственное место в качестве самостоятельного элемента общей объяснительной системы. В процессе анализа были, например, сопоставлены и разведены понятия *непроизводности* как имеющее психологический смысл и *врожденности*, подразумевающее врожденность именно *физиологических механизмов*; выявлена функциональная двойственность понятия априорности, под которой в контексте психологии понимаются существующие до чувственного опыта способности к упорядочиванию, анализу и синтезу и др. (психологическая априорность), а в контексте гносеологии – *логическое содержание* сознания (гносеологическая априорность); доказана самостоятельность сосуществования учения об априорности и новейшей эволюционной теории ввиду *разнородности* их методологических оснований: очевидность значимости наследственной передачи результатов опыта, на которую опирались приверженцы эволюционной идеи, логически не является антиномией выводам Канта и не устраняет его теорию познания, как это утверждали сторонники новейших научных веяний на рубеже XX столетия.

Фундаментальность для психологии изучаемой проблемы обусловлена тем, что пространство, по Челпанову, есть один из трех объективных по своей природе моментов единого содержания ощущения – качество, интенсивность, протяженность.

Челпановым была доказана несостоятельность теорий производности представления пространства, конкретнее – плоскостной протяженности как его сущностного свойства⁹: оно первоначально и непосредственно, или *непроизводно*, т. е. не является результатом

психической переработки (ассоциаций, синтеза и проч.). Представление пространства начинается с «неопределенного сознания протяженности», некоего стабильного и недифференцированного перцептивного состояния, возникающего в результате обширной чувственной стимуляции («массивность или объемистость ощущения»), в котором «нет ничего такого, что представлялось бы субъективным, внутренним в отличие от чего-либо внешнего, объективного» [23, с. 16]. Челпанов называет его даже не представлением, а неопределенным содержанием сознания¹⁰.

Но первоначальная константность синкретичного образа, связанная с универсальностью формального ограничения по существу, предполагала процесс внутреннего развития. В силу имманентного динамизма оно проявлялось как становящийся переход от своей недифференцированной формы к развитому сознательному представлению, раскрывающемуся в актах самосознания посредством рефлексии над первоначально воспринятым психическим материалом. И если «глаз наш первоначально воспринимает пространственно» и «общее пространственное поле составляет первоначальный предмет нашего восприятия», то «только подразделение, упорядочение отдельных элементов составляет предмет опыта» [22, с. 179]. Развитая форма – это воссоздание в конкретизированном и отчетливом образе первоначальной неопределенности содержания пространственного восприятия.

Развитая форма представления о нем содержала в себе как свои осознанные (в разной степени на разных этапах) элементы множественности, порядка, отношения: «первоначально мы воспринимаем протяженность, в которой мы никаких частей не создаем,

9 «Под плоскостной протяженностью, писал Г. И. Челпанов – ...следует понимать свойство “внеположности пространства”, т. е. другими словами, именно то, что ощущения в пространственном восприятии могут располагаться одно вне другого. Это последнее я собственно и считаю непроизводным» [22, с. 19].

10 В данном случае можно применить к психическим явлениям такого плана определение А.С.Хомякова: это «я, но не от меня» [20, с. 279]. Здесь и далее в цитате курсив Хомякова. – О.С.

но что эти части на самом деле существуют, указывает то обстоятельство, что чем большая площадь возбуждается, тем более объемистым кажется само ощущение» [22, с. 166–167]. Однако эти элементы даже исходно нельзя называть «бессознательными» в современном смысле этого слова, скорее – дорефлективными. По Челпанову, психология по определению имеет дело с тем материалом, который получил форму психологического явления, т. е. принадлежит сознанию, хотя может быть и «не замечаем» им, но как факт сознания всегда обладает потенциалом своего проявления. Потому недифференцируемая на начальной стадии пространственного восприятия «незамечаемая» часть во взаимосвязи его элементов, тем не менее, является его активной, действующей частью.

Однако собственно плоскостная протяженность (внеположность – ее свойство) сама по себе не может оказывать дифференцирующего воздействия на сознание (психологическая нерасчлененность), соответственно этим свойством обладают ее части, приобретающие индивидуальные признаки в сознании вследствие различия отношений, которые устанавливаются в их порядке¹¹. Референты «отличительного» в целостном континууме представления были названы *локальными знаками* (Лотце, Гельмгольц, Джемс, Вундт, Крис, Ауэрбах, Кюльпе). «Под локальными знаками, – пояснял свою позицию Челпанов, – я понимаю следующее. Каждое место кожи или сетчатки обладает способностью производить специфические ощущения, которые и индивидуализируют впечатления, воздействующие на то или другое место. Совокупность этих ощущений, входящих в соотношение друг с другом, составляет комплекс, который собственно и есть локальный знак» [22, с. 328]. Закрепляя за локальными знака-

ми роль референта *места* ощущения в порядке других ощущений, Челпанову впервые удалось обосновать понимание их индивидуализирующей функции, не прибегая к использованию непространственных элементов (ср.: Гельмгольц – интенсивность; Вундт – качество; Ауэрбах, Крис – энергия и пр.).

К *психологическим условиям* определения пространственного порядка ощущений Челпанов в первую очередь относил способность нашего мышления к логическим операциям со стимульным материалом, его анализу и синтезу, и способность нашего внимания одновременно удерживать в своем поле множества стимулов (осознаваемых отчетливо и ясно). К *физиологическим условиям* активации пространственного восприятия – особенности анатомо-физиологической организации воспринимающих систем: а) плоскостное расположение сенсорно-перцептивных элементов, принадлежащих определенному органу; б) способность каждого из них к специфическому возбуждению; в) способность их к одновременному возбуждению разномодальными стимулами, но г) при сохранении индивидуальной специфичности своих реакций. По выводам Челпанова, этим требованиям отвечала организация только зрительного и осязательного аппарата человека, которые он и считал «истинно пространственно-воспринимающими органами». Постоянство совместного возбуждения группы определенных элементов пространственного поля, выявленное Челпановым как физиологическое условие способности локализации объектов в пространстве, позволило ему прийти к выводу об *автоматизме ассоциативной взаимосвязи*, существующей между локальными знаками.

Однако, задаваясь вопросом причинности, ученый подчеркивал вторичность физиологических факторов в процессе образования пространственного представления, поскольку «вообще способность и стремление

11 Психологическое значение термина «порядок», по Г.И.Челпанову, это «совместное существование в содержании мысли известных элементов» [22, с.176].

ощущений располагаться в пространственном, временном или каком-либо ином порядке... должна быть признана первоначальной и присущей духу, подобно функции единства и т. п.». Методы научно-психологического исследования, по его убеждению, были применимы только к изучению «условий, при которых дух бывает побуждаем к подобного рода действию» [22, с. 184]. Потому большое место в первой части его работы было отведено рассмотрению функциональной роли различных систем перцептивно-сенсорного комплекса человека в процессе формирования образа пространства.

Сложность процесса внутренних интеракций была продемонстрирована на примере восприятия «глубины», которая, по выводам Челпанова, не является первичным содержанием сознания (качеством), как представление плоскостной протяженности, и носит производный от него характер (умозаключение). При этом он не утверждал, что в первоначальном сознании восприятие третьего измерения отсутствует: оно пребывает в нем в совершенно неразвитом виде и требует длительного процесса развития, смысл которого заключается в актах переструктуризации опыта представления плоскостной протяженности. В отличие от последней восприятие глубины не имеет собственной физиологической основы. Ведущая, но скрытая для самосознания, роль в реконструкции ее развитой формы принадлежит представлениям величины, т. е. двигательно-осознательному опыту. Непосредственно осознаваемая активность в этом процессе зрительных ощущений выполняет по отношению к нему лишь знаковую функцию: бинокулярная диспарация, конвергенция, аккомодация – только вспомогательные условия, *знаки для той или иной глубины, не обладающие свойством ее определения*. «Главный опытный мотив», принадлежащий двигательно-осознательной сфере и определяющий модификацию недифференцированного образа пер-

воначально воспринятой плоскостной протяженности – изменение расположения ее элементов в направлении центра, лежащего вне нее. Челпанов утверждал, что «психологически третьего измерения не существует», так как оно может быть сведено к протяженности в два измерения [23, с. 18].

Признание непроизводности представления пространства находилось в связи со статусом объективности / субъективности психического опыта. Как уже было отмечено выше, «субъективное сознание, сознающее себя как субъективное, ограниченное нашим *я*, первоначально не существует» [17, 200], так же, как первоначально не существует и объективного сознания, поскольку первоначально некое до-самосознающее состояние. Челпанов, считая, что приложение определений объективного / субъективного к фактам внутренней жизни носит только приблизительный характер, устанавливает факт *соотносительности* этих понятий, ведь свое собственное существование *я*¹² сознает только относительно чего-то, чье существование оно ощущает. Любое ощущение можно отнести к чему-то внешнему, в смысле – независящему от ощущающего существа. Только при условии дифференциации всего содержания душевной жизни на субъект и объект сознание может представить одно ощущение субъективным, другое объективным. Такая дифференциация происходит в акте восприятия пространства и связана с локализацией воспринятых элементов в разных пространственных рядах – в пределах или вне пределов нашего *я*.

Обсуждая проблему объективного значения наших субъективных построений, Челпанов поднял вопрос о трансцендентном основании психологического образа пространства. «Вопрос этот может быть решен в том случае, если мы пространство сравним с чувственными качествами. О чувствен-

¹² Ср. определение А.С. Хомякова: «я и от меня» [20, с. 275]. – О.С.

ных качествах мы должны сказать, что они являются символами некоторых реальностей, отличных от них по своему содержанию: цвет, например, есть символ для волнообразных колебаний эфира и т. п. Не можем ли мы и относительно пространственного качества сказать, что оно есть символ для отличной от него реальности вследствие того, что оно так же есть предмет ощущения, как цвет, звук и т. п.» [23, с. 289]. В контексте идей Челпанова, представление пространства обусловлено не только свойствами нашего сознания, но и некой «основой», выступающей объективным коррелятом нашего представления о пространстве. Вопрос о конкретных свойствах этой основы, как полагал исследователь, превышал возможности простой гносеологии и требовал привлечения метафизических построений, направленных на выяснение отношений между духом и материей, между субъектом и объектом. Он высказал допущение, что эта объективная основа может являться не пространством, а только его аналогом. Однако то, что для восприятия пространства так же, как и для восприятия чувственных предметов, имеются определенные психофизиологические условия, а именно – специфически организованный анатомо-физиологический и психологический аппарат, служило аргументом в пользу утверждения объективности существования этой основы.

Признание независимой реальности, доступной для познания человека только в адаптированном его сознанием виде, обусловило существо научной позиции Г.И.Челпанова, которой он дал определение «*идеал-реализм*», или, по уточненному замечанию В.В.Зеньковского, – *трансцендентальный реализм* [9, с. 235].

Следствием вывода об объективном корреляте представления пространства явилась теоретическая дифференциация основного понятия. Челпанов выделил два вида априорности: «во-первых, априорность психологи-

ческую, именно внеположенность пространства, которая из внешнего опыта получена быть не может, но которая составляет функцию самого сознания»; «во-вторых, априорность гносеологическую, так как пространство представляет собой известное понятие, которое составляет необходимое предположение или предпосылку внешнего восприятия, или опыта» [23, с. 202]¹³.

По Челпанову, априорные элементы нашего сознания не являются извне привнесенными конструктами или архетипами, детерминирующими жестко определенное содержание образов. Постоянные формы сознания и законы его познавательной деятельности сами создаются творчеством нашего духа. Опираясь на их постоянство, строятся априорные суждения, обладающие свойствами всеобщности, необходимости и аподиктической достоверности, или те идеальные элементы сознания, которым нет соответствий в предметно-чувственном мире, и которые выступают по отношению к нему как *постулаты*, содержащие в себе «требования, чтобы известные положения, фактически непредставимые, осуществлялись в действительности» [23, с. 297].

К ним относится, например, постулат причинности и тождество. Реальность существования постулатов обретает доказательность только с позиций априоризма, ведь связанная с ними *идеализация* действительности входит в противоречие с предельным понятием эмпиризма о познании как *копии* действительности. Нигде в действительности мы им прямого соответствия не найдем. Опыт и внешний и внутренний предоставляет нам данные не о тождественности, а об индивидуаль-

13 Что относится и к понятиям пространственных элементов, таким как линия, точка и т.п., к понятию причинности и числа, которые являются абстракциями и уже в этом качестве привносятся во внешний опыт. «Челпанов... с большой убедительностью показал, что только априористическая теория удовлетворительно объясняет происхождение геометрических форм» (В.В.Зеньковский) [9, с. 270].

ном существовании явлений, о временном предшествовании явлений друг другу, но не о том, что одно существует как причина другого.

Особенность идеалов в том, подчеркивает Г.И.Челпанов, что логическое познание их не достигает, что им соответствует только одна познавательная способность – вера. Идеал – это всегда веруемое знание, а потому «мы творим наше познание при помощи форм нашей мысли и верим, что ему в действительности соответствует мир, который нами создан» [23, с. 300].

Естествознание и его методология, за которым закрепилось представление о науке в собственном значении этого слова, целиком основаны на вышеперечисленных принципах, то есть на логически недоказуемом знании. Вообще фундаментальный постулат любой науки не может быть доказан в рамках логики той науки, которая из него развивается. Следовательно, вся наша наука основана на вере [23, с. 299]. Потому предметом гносеологии, утверждал Челпанов, является именно объяснение условий, в которых осуществляется познание.

В качестве этих условий выступают априорные элементы в нашем сознании, созданные самостоятельным творчеством духа как результаты известного ряда психических переживаний, инструментом проявления вонне которых служат органы чувств.

Таким образом, Челпанов создал психологическую концепцию восприятия пространства как живого, становящегося явления, как творческого акта воссоздания в психологическом образе бесконечности и единства абсолютного бытия.

Трансцендентальный реализм стал философским обоснованием научной психологии, исходящей из представления о метафизическом единстве целовека – дух, высшие духовные функции неразрывно связаны со всей полнотой душевной жизни, и они же через душу связаны и с телом¹⁴ – той психологии,

которую разрабатывал Г.И.Челпанов.

Нельзя сказать, чтобы современники Челпанова, авторы критических отзывов на его работу – проф. Н. Я. Грот, В. Ф. Саводник, проф. А. Н. Гиляров¹⁵ – остались равнодушны к его основной психолого-методологической идее, но они и не проявили достаточного желания углубляться в своеобразие задачи и методологического подхода Челпанова, тем самым, как оказалось, надолго заложив инерцию достаточно поверхностного отношения к его работам и оценки их с позиций соответствия/несоответствия «современному научному запросу». Вследствие этого в дальнейшем «кто только не обвинял Г. И. Челпанова за эклектику, отсутствие собственной точки зрения, логические ошибки и соглашательство!» [5, с. 53].

Изгнание Г.И.Челпанова в 1923 г. из Психологического института и Московского университета было и остается трагическим фактом истории отечественной психологии. Однако углубленный анализ показывает, что челпановские идеи всегда пребывали (и пребывают, как это будет показано ниже) в ее логико-научном пространстве и времени.

В 1920–1930-ых гг. теоретико-методологическое исследование Челпанова

¹⁵ Особенно показателен в этом отношении диалог, развернувшийся между профессором Челпановым и профессором Гиляровым, до настоящего времени остающийся важнейшим историко-психологическим документом, помогающим раскрыть смысл целого круга научных инноваций, предложенных в анализируемой работе, и составить представление об эмоциональном уровне атмосферы обсуждения. См.: Гиляров А. Н. (реп.). Г.И.Челпанов. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II. Представление пространства с точки зрения гносеологии // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Ч. CCCLVI. Декабрь. С.419 – 434; Челпанов Г. И. Априоризм и эмпиризм (Ответ проф. Гилярову) / Г.И.Челпанов. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II. Представление пространства с точки зрения гносеологии. М.: ПИ РАО – МГППУ, 2011. С. 301 – 329.

¹⁴ Данное определение принадлежит В.В.Зеньковскому. – О.С.

оказалось востребованным для решения задач *прикладной психологии*. В это время со стороны РККА научной психологии поступил заказ на исследования в области восприятия, в результате которых должна была быть сформирована теоретико-методологическая база и комплекс специальных методических указаний по маскировке объектов различных сфер народного хозяйства. При этом было выдвинуто директивное условие обязательного подтверждения предлагаемой для практики теоретической информации результатами психологических экспериментов. Руководителем лаборатории зрительных восприятий маскировочного отдела инженерного научно-испытательного полигона РККА был назначен Б.М.Теплов – ученик Г.И.Челпанова, который сумел привлечь к этой работе и других ближайших его учеников – С.Н.Беляеву-Экземплярскую, А.А.Смирнову, П.А.Шевареву, С.Н.Кравкова¹⁶. Затем работа по изучению психологии восприятия и, в частности, восприятия цвета была продолжена ими в Психологическом институте и на кафедре цвета Архитектурно-строительного института. В мировой психологии вопрос восприятия пространственных характеристик предметов и цвета оставался одним из наиболее сложных и малоизученных; число экспериментальных исследований по проблеме оставалось незначительным (E.Boullough 1907, D.Katz 1911,

J. De Camp 1917, C.Worden и E. Flyna 1925). Потому, к великому сожалению, практически не известные в силу своего закрытого характера (и не только) работы челпановских учеников по реализации заказа военного ведомства мы сегодня можем считать одними из первых в области *экспериментально-психологического* исследования проблемы пространственных восприятий. В числе непосредственно направленных на освещение данной проблематики следует указать две статьи Б.М.Теплова, в одной из которых им был рассмотрен вопрос ограничений пространственного видения¹⁷, а во второй проведен анализ состояния на начало 1930-х гг. научно-теоретической и экспериментальной разработки проблемы пространственных и весовых свойствах цвета (1931) [19]. По мнению коллег, наиболее высокого уровня в организации и проведении экспериментальных работ достигла С.Н.Беляева-Экземплярская¹⁸. Она изучала иллюзии, возникающие при восприятии пространственного качества объектов, феномены «выступающих» и «отступающих» цветов, свойство «пространственной несравнимости цвета» (1924) [3], ей также принадлежало исследование эстетически и психологически значимых закономерностей пространственного расположения элементов одежды (1934) [4].

Тема, поднятая Челпановым, но уже в ракурсе психологических проблем искусствознания и *психологии художественного восприятия*, была продолже-

16 Результаты, достигнутые в ходе научных разработок Лаборатории, составили основу широкомасштабной маскировочной работы в годы Великой Отечественной войны. Более подробно об этом периоде научной деятельности Б.М.Теплова см.: Способности (К 100-летию со дня рождения Б.М.Теплова) /отв. ред Э.А.Голубева. М.: «Феникс», 1997.; Б.М.Теплов. Психологические исследования в области военно-маскировочного дела (1923–1927 гг.) /под общ. ред. Е.П.Гусевой / М.: «Твердислов», 2006. ; Козлов В.И. Психологические проблемы военной маскировки: научные исследования под руководством Б.М.Теплова /Альманах Научного архива Психологического института: Челпановские чтения 2010. М.: ПИ РАО; МГППУ, 2010. Вып. 4. С. 24–30.

17 Теплов Б.М. Пространственные пределы видения. Б/д. Сведения о статье сохранились: Научный архив ПИ РАО. Ф. 8. Материалы кабинета истории психологии. Коллекция рукописей работ сотрудников Психологического института. 1920–1940 гг.

18 О жизненном пути и работах этого ученого см.: Челпановские чтения 2005: Психология искусства (К 110-летию со дня рождения С.Н.Беляевой-Экземплярской). Материалы научно-практической конференции. М.: «Твердислов», 2005; Серова О.Е. Теоретические и экспериментальные исследования психологии восприятия музыки в научном наследии С.Н.Беляевой-Экземплярской / Вопросы психологии. 2009. №5. С. 127–138.

на в исследованиях Н. Н. Волкова¹⁹. Она составила содержание его диссертационных работ «Исследование в области восприятия изображенного пространства» (1946), «Восприятие предмета и рисунка» (1950), научных монографий «Цвет в живописи» (1965), «Восприятие картины» (1976), «Композиция в живописи» (1977) и др. Теория «пространственных ходов», предложенная Н. Н. Волковым, опиралась на общетеоретическое положение о восприятии как многосложном и целостном психическом процессе, направленном на действительность, взаимодействующую с человеком. Исследователем была доказана нетождественность актов восприятия реального пространства и пространства изображенного (также и воображения); выявлено существенное отличие установки сознания на тот и другой процесс; установлен целый ряд специфических закономерностей как психологических условий трехмерного «прочтения» плоскостного изображения пространства и многое другое [7].

Основная идея, определившая творческую уникальность научной картины мира Челпанова, была воспринята в 1970-х гг. А. И. Миракяном (1929–1995) и с высочайшим профессионализмом воплощена как в его работах, так и в исследованиях, выполненных под его руководством сотрудниками лаборатории психологии моделирования перцептивно-интеллектуальных процессов ПИ РАО. По убеждению Миракяна, психологической науке сле-

довало пересмотреть укоренившиеся под термином «научные» установки продуктно-феноменологического физикалистского подхода к проблеме восприятия пространства и разработать философско-методологические основания трансцендентальной теории психологии восприятия» [13, с. 67]. В предложенной исследователем трактовке восприятие понималось как процесс порождения свойств и отношений объектов, включающий порождение пространственной протяженности и порождение процесса ее отражения. В серии проведенных его учениками экспериментальных исследований были подтверждены, например: а) роль порождающего процесса как непосредственно-чувственной основы и относительной меры субъективного восприятия времени; дискретизирующая функция его самозавершающихся форм, приводящая к формированию в целостности перцептивного процесса микроактов и возникновению отношений между ними, порождающих у человека первичное ощущение «течения» времени (В. И. Козлов) [11, с. 147]; б) базисность принципа пространственно-временной дискретизации для порождающего процесса отражения в осязании: восприятие двух тактильных стимулов как двух одновременных воздействий возможно лишь в случае их последовательного (неодновременного) предъявления, одновременное предъявление двух тактильных воздействий приводит к порождению восприятия лишь одного из них (Н. Л. Морина) [14, с. 204]; в) сукцессивный характер отражения пространственной протяженности пальцами руки, многоактность структуры процесса порождения восприятия пространственной протяженности: при асинхронной стимуляции, действующего на противопоставленные пальцы руки, происходит порождение ощущения пространственной протяженности в условиях отсутствия реального объекта вследствие процессуальной дискретности стимульного потока (Т. С. Пого-

¹⁹ О жизни и научном творчестве Н. Н. Волкова см.: Чуприкова Н. И. Теория, методология и результаты экспериментального исследования зрительного восприятия в книге Н. Н. Волкова «Восприятие предмета и рисунка» // Фундаментальные проблемы общей психологии / Отв. ред. Н. И. Чуприкова, И. В. Равич-Щербо. М.: ПИ РАО; МГППУ, 2004. Т. I, кн. 1. С. 74–78; Альманах научного архива Психологического института: Челпановские чтения 2006/2007. М.: БФ «Твердислов», 2007; Гусева Е.П., Козлов В.И., Серова О.Е., Червяков А.Д. Челпановская традиция в научном творчестве Н.Н.Волкова // Альманах научного архива Психологического института: Челпановские чтения 2012. М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. Вып. 5. С. 216–236.

рельцева) [16, с. 267–268]; г) зависимость процесса порождения восприятия протяженности (величины) от непосредственно-чувственного ощущения длительности процесса стандартизации, которым обуславливается конкретная величина воспринимаемого объекта как своей основы, и то, что порождение каждой конкретной формы объекта имеет свое собственное время осуществления, поэтому продолжительность предъявления различных знаков, необходимых для их адекватного восприятия, дифференциально зависит от их формы (Г. В. Шукова) [24, с. 290].

Эвристический потенциал его учения по новому раскрылся в современной концепции экпсихологии развития, использующей принцип формопорождения для а) экспликации психики как особой формы бытия, б) экспликации системы «человек – окружающая среда», развивающейся в форме онтологического субъекта на основе субъект-порождающего взаимодействия между ее компонентами, в) применения в качестве методологического основания, позволяющего рассматривать психические состояния и процессы как разные проявления единой по своей природе психики (В. И. Панов) [15, с. 303].

Созданная А. И. Миракяном в русле челпановских идей современная трансцендентальная концепция психологии – яркое доказательство *научно-теоретической* значимости учения о пространственном восприятии Г. И. Челпанова для решения фундаментальных научно-психологических проблем. Полученные учеными Психологического института данные позволяют сегодня во многом уточнить положения челпановской теории, наполнить конкретным психологическим содержанием крупные теоретические формы, которые более века назад Челпанов назвал «зрительным пространством», «осознательным пространством» и даже пространством «мускульного чувства».

Однако все вышесказанное относилось к работам сотрудников Психоло-

гического института, в стенах которого память о Г.И.Челпанове, хотя и не всегда афишировалась, но никогда не умирала.

Но в целом практика вычеркивания имен из истории науки принесла свои горькие плоды, и в научном сообществе проблематика изучения восприятия пространства постепенно перестала ассоциироваться с именем Челпанова, а затем выросло поколение психологов, вообще не осведомленных о деятельности основателя отечественной научной психологии. Но, однако, будучи уже для многих безымянными, методологические положения, выдвинутые Челпановым, до сих пор подтверждаются результатами экспериментальной практики и остаются включенными в содержание современной отечественной психологии. Так, в 1969 г. синтезируя данные целого комплекса независимых друг от друга психологических и физиологических работ более, чем десятилетнего периода, академики Б.Г.Ананьев и Э.Ш.Айропетьянц пришли к определению феномена восприятия пространства как интегративного опознавания предмета в структуре поля, обеспеченного системным психофизиологическим механизмом и мультифункциональностью мышечного чувства, однако не сводимого к общему объему рецепторной информации: «даже обширный объем дерцептации не вызывает критического дефицита информации о пространстве» [1, с. 6]. Е.Ю.Артемяева, доктор физико-математических наук, преподаватель факультета психологии МГУ через исследование психологии субъективной семантики и, в частности, процесса познания и описания геометрических фигур в 1970-1980-ых гг. вышла на проблему двухфазности восприятия пространства: в ее формулировке, стадии «“первовидения”» – когда объект оценивается нерасчлененно-целостно, и “второвидения” – когда объект отдается на поаспектное анализирование классифицирующим системам» и подняла вопрос неадек-

ватности статистических критериев для оценки субъективного опыта пространственных представлений и ввела понятие «интрастатистической», т.е. непараметрической оценки деятельности субъекта [2, с. 32, 110]. Наш современник О.А.Гончаров (2009) в ракурсе проблемы экспериментального изучения зрительного восприятия пространства на плоскости пришел к выводам о субъективности пространственного восприятия, его гетерогенности и анизотропности, культурно-эволюционном характере восприятия третьего измерения как не собственно признака, а системы приемов (использовав примеры изображения обратной перспективы на детских рисунках) и подчеркнул функциональную нагруженность зрительно-моторной координации и предметно-манипулятивной активности при восприятии пространственных признаков [8, с. 3, 10]. С.А. Прохоров в кандидатской диссертации (2005) обосновал вывод об актуальности проблемы восприятия пространства с точки зрения понимания пространства как основания «образа мира» человека, где понятие смысла играет роль «квази-измерения» [17, с.3].

Таким образом, достоверность, надежность, валидность и пр. научной позиции Г.И.Челпанова в области исследования восприятия и представления пространства доказала сама история научной психологии.

В заключение подчеркнем следующие важные моменты.

В концептуальных положениях и методологических решениях фундаментального научного труда «Проблема восприятия пространства» нашло отражение научное кредо Г.И.Челпанова.

Г.И.Челпанов, разрабатывая положения трансцендентального реализма, заложил возможность полномасштабного развития психологии как научной дисциплины, не нуждающейся в методологической редукции ни одного из элементов реального метафизического единства личности.

В процессе работы Г.Челпанов как методолог науки оказался у истоков проблем, позднее сформулированных К. Попшером, И. Лакатосом, Дж. Агаси, Л. Лауданом, Дж. Брауном и др. В контексте его исследования в терминах науки того времени практически активированы идеи, впоследствии ставшие неотъемлемой частью методологического ресурса современной психологии, но которые теперь принято связывать с именами ученых второй половины – конца XX столетия: например, о различии исследовательских миров и смыслового различения одних и тех же терминов (Т. Кун); метод «фильтра независимых критериев», действующих на «длительном пробеге» исследований (Ньютон-Смит); оценки «когнитивной ценности» теории (Х. Лейси) и др. Но в отличие, например, от Т. Куна или П. Файерабенда, научный подход Г. И. Челпанова отрицает несовместимость и фрагментарность временного пространства науки в качестве его существенных признаков и строится на принципах его обще-смысловой целостности и диалектического сосуществования различных теорий как вариантов ограниченного толкования истины.

Целостная концепция философской интерпретации теорий, принадлежащих к разным типам научного знания, предложенная Челпановым, в экстраполированном виде может быть названа теоретической моделью психологической науки как системы идеал-реалистического знания, в которой в личностно-трансцендентальной неразрывности раскрываются истины бытия и истины познания²⁰.

Результаты теоретико-методологического исследования Г. И. Челпанова обладают огромным потенциалом своего *практического* применения,

²⁰ Идея такого подхода уходит корнями в представления о смысле, целях и задачах научного творчества, сформулированных в работах И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, методологический потенциал которых заново открывается нам уже в XXI веке.

представляют собой теоретические ориентиры проекта развития психологической науки XXI века, которые позволяют ей без отклонений в ту или иную односторонность, продуктивно синтезировать знания гуманитарных и естественных наук на пути постижения трансцендентальных законов внутренней жизни человека.

... Вот уже более 100 лет трудится на поприще науки Психологический

институт. В чем секрет его научного долголетия? Нам думается, в том творческом устремлении, которое сделало возможным научное подвижничество Георгия Ивановича Челпанова, и которое создатель Психологического института завещал нам, современным исследователям души человеческой, – в нравственном устремлении к свету непреходящей истины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Айропетьянц Э.Ш., Ананьев Б.Г. Мозговые механизмы и эволюция восприятия пространства / *Восприятие пространства и времени* / отв. ред. действ. чл. АПН проф. Б.Г.Ананьев, проф. Э.Ш.Айропетьянц. М.: Наука, 1969. С. 5-11.
2. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики: монография / предисл. А.Ш.Тхостова. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
3. Беляева-Экземплярская С.Н. Об иллюзии выступающих вперед цветов // *Журнал психологии, неврологии и психиатрии*. 1924. Т. IV. Приложение. С. 10-28.
4. Беляева-Экземплярская С.Н. Пространственная композиция одежды // *Швейная промышленность*. 1934. № 10. С. 14-22.
5. Богданчиков С. А. Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К. Н. Корниловым и Г. И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. – Саратов: СЮИ МВД России, 2000.
6. Виндельбанд В. История философии: пер. с нем. – Киев: Ника-центр, 1997.
7. Волков Н.Н. Исследования в области восприятия изображенного пространства. Рукопись. 112 л. Научный архив ПИ РАО. Ф. 14, оп.1, ед. хр.133.
8. Гончаров О.А. Восприятие и изображение третьего пространственного измерения: автореф. дис. ... докт. псих. наук. СПб.: СПбГУ, 2009.
9. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. – М.; Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 1999. Т. 2.
10. Зеньковский В.В. Памяти проф. Г.И.Челпанова / Г.И.Челпанов. Мозг и душа. М.: ПИ РАО; изд-во «Круг», 1994. С. 7-11.
11. Козлов В. И. Формопорождающий процесс и непосредственно-чувственное восприятие времени // *Миракян А. И. и современная психология восприятия. Сборник материалов научной конференции* / под общ. ред. Н. Л. Мориной, В. И. Панова, Г. В. Шуковой. – М.: ПИ РАО; «Социальные науки», 2010. С. 90-151.
12. Лихи Т. История современной психологии. – СПб.: Питер, 2003.
13. Миракян А. И. Основания трансцендентальной психологии восприятия // *А. И. Миракян и современная психология восприятия. Сборник материалов научной конференции* / под общ. ред. Н. Л. Мориной, В. И. Панова,

- Г. В. Шуковой. – М.: ПИ РАО; «Социальные науки», 2010. С. 61–90.
14. Морина Н. Л. Теоретико-экспериментальное исследование принципов порождающего восприятия в осязании // А. И. Миракян и современная психология восприятия. Сборник материалов научной конференции / под общ. ред. Н. Л. Мориной, В. И. Панова, Г. В. Шуковой. – М.: ПИ РАО; «Социальные науки», 2010. С. 150–218.
15. Панов В. И. Онтологические и трансцендентальные предпосылки экологии развития // А. И. Миракян и современная психология восприятия. Сборник материалов научной конференции / под общ. ред. Н. Л. Мориной, В. И. Панова, Г. В. Шуковой. – М.: ПИ РАО; «Социальные науки», 2010. С. 293–324.
16. Погорельцева Т.С. Осязательное восприятие пространственной протяженности как порождающий процесс // А. И. Миракян и современная психология восприятия. Сборник материалов научной конференции / под общ. ред. Н. Л. Мориной, В. И. Панова, Г. В. Шуковой. – М.: ПИ РАО; «Социальные науки», 2010. С. 253–269.
17. Прохоров С.А. Пространственные составляющие многомерного мира человека: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Барнаул: БГПУ, 2005.
18. Серова О.Е. Экопсихология научного сознания и духовно-нравственное направление современной психологии // Экопсихологические исследования: сборник / под ред. В.И.Панова. М.: ПИ РАО, 2009. С. 328-334.
19. Теллов Б.М. Пространственные и весовые свойства цвета // Малярное дело. 1931. №2.
20. Хомяков А.С. По поводу отрывков, найденных в бумагах И.В.Киреевского / Полн. собр. соч. – М.: тип. т-ва И.Н.Кушнерева, 1911. С. 261 – 281.
21. Челпанов Г. И. К вопросу об априорности и врожденности в современной философии. Вступительная лекция, читанная в Университете св. Владимира 6 октября 1892 г. – Киев: тип. Императорского Университета св. Владимира, 1892.
22. Челпанов Г. И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. I: Представление пространства с точки зрения психологии // Г.И.Челпанов. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: ПИ РАО; МГППУ, 2011. Т. I. Кн. 1.
23. Челпанов Г. И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II: Представление пространства с точки зрения гносеологии // Г.И.Челпанов. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: ПИ РАО; МГППУ, 2011. Т. I. Кн. 2.
24. Шукова Г. В. Зрительное восприятие пространственной протяженности как порождающий процесс // А. И. Миракян и современная психология восприятия. Сборник материалов научной конференции / под общ. ред. Н. Л. Мориной, В. И. Панова, Г. В. Шуковой. – М.: ПИ РАО; «Социальные науки», 2010. С. 269–293.